

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Серия «Политология. Религиоведение»

2024. Т. 47. С. 179–185

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

Научная статья

УДК 130.3

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.179>

Связь религиозного опыта и этнокультурной идентичности как индикатор деструктивного социального конструирования российской интеллигенции (к 70-летию В. В. Черных)

А. И. Бобков*

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются проблемы связи этнокультурной идентичности и религиозного опыта как водораздела между интеллектуалами и интеллигентами в рамках российского социума. В контексте этого разделения утверждается, что антиномичное состояние идентичности интеллигенции в России является очевидным. В связи с чем предлагается осуществить философско-антропологический анализ ее мировоззрения, сущность которого заключается в том, что интеллигенция в России легко определяет себя как «совесть народа», но не признает себя творцом неоправданного символического насилия над ним. Предполагается, что ее маргинальное положение в социальной структуре связано с тем, что ей неведом подлинный смысл учреждающего насилия в этнокультурном пространстве. Показывается, что в рамках религиозного опыта православия учреждающее сакральное заключено в неприкосновенности дистанции с Западом и в особом течении социального времени, где возмездие за неадекватный насильственный обмен откладывается или даже отменяется. Акцентируется внимание на том, что процесс отрицания ведущей роли учреждающего сакрального в истории народа ведет к тому, что интеллигенция не способна к выявлению социальности полисубъектного характера, сложившейся в России. Насилие через фанатичное подражание Западу, избранное российской интеллигенцией, является путем укрепления фобии этнокультурной идентичности, преодолению которой служат русские интеллектуалы. Утверждается, что «смертоносная идентичность» русского народа является тем феноменом, который сконструирован и продолжает конструироваться интеллигенцией, полагающей, что рациональное расколдованное бытие может вместить человека.

Ключевые слова: религия, религиозный опыт, интеллектуалы, интеллигенция, этнокультурная идентичность, русофобия, сакральное, учреждающее насилие, философия, социальное.

Для цитирования: Бобков А. И. Связь религиозного опыта и этнокультурной идентичности как индикатор деструктивного социального конструирования российской интеллигенции (к 70-летию В. В. Черных) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 179–185. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.179>

The Connection Between Religious Experience and Ethnocultural Identity as an Indicator of the Destructive Social Construction of the Russian Intelligentsia (to the 70th Anniversary of V. V. Chernykh)

A. I. Bobkov*

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is a philosophical analysis of the problem of the connection between ethnocultural identity and religious experience, as a watershed between intellectuals and intelligentsia within Russian society. In the context of this division, the author argues that the anti-nomic state of the identity of the intelligentsia in Russia is obvious. In this connection, it is proposed to carry out a philosophical and anthropological analysis of her worldview. Its essence lies in the fact that the intelligentsia in Russia easily defines itself as the “conscience of the people,” but does not recognize itself as the creator of unjustified symbolic violence against it. The author suggests that her marginal position in the social structure is due to the fact that she does not know the true meaning of constitutive violence in the ethnocultural space. Within the religious experience of Orthodoxy, the constitutive sacred is contained in the inviolability of distance from the West and in the special flow of social time, where retribution for inadequate violent exchange is postponed or even canceled. The process of denying the leading role of the founding sacred in the history of the people leads to the fact that the intelligentsia is not capable of identifying the sociality of a multi-subjective nature that has developed in Russia. Violence through fanatical imitation of the West, chosen by the Russian intelligentsia, is a way to strengthen the phobia of ethnocultural identity. A phobia that Russian intellectuals help overcome. The “deadly identity” of the Russian people is a phenomenon that was constructed and continues to be constructed by the intelligentsia, which believes that a rational, disenchanted existence can accommodate a person.

Keywords: religion, religious experience, intellectuals, intelligentsia, ethnocultural identity, Russophobia, sacred, founding violence, philosophy, social.

For citation: Bobkov A.I. The Connection Between Religious Experience and Ethnocultural Identity as an Indicator of the Destructive Social Construction of the Russian Intelligentsia (to the 70th Anniversary of V. V. Chernykh). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 47, pp. 179-185. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.179> (in Russian)

Как-то в одном из разговоров с доктором исторических наук, профессором В. В. Черных мы достигли понимания того, что сегодняшняя интеллигенция в России по-прежнему атеистически квазирелигиозна. Понимание было достигнуто, но аргументированное обоснование требовало времени. Поэтому сегодня, в год юбилея Владимира Васильевича, мы предлагаем вашему вниманию данную статью.

В основании интеллигентского самосознания лежит некая мифологема. Ее сущность заключается в том, что интеллигенция якобы является носителем совершенно уникального социального опыта, который до нее не был известен остальному населению России и даже не осознавался им. Часто возникает такая установка, которая утверждает, что выявленные западным научным сообществом социальные закономерности и модели для нас, в силу нашей социальной патологии, нам неизвестны.

Отсюда возникают идеи-ловушки, констатирующие факт того, что кем-то, но не интеллигенцией были сделаны неправильные выборы в точках бифуркации. Затянувшиеся процессы бюрократизации всех сфер социальной жизни, основывающиеся на ошибочных выборах, объясняют невнимание к русской интеллигенции, неправильность селективного отбора из ее среды, ее неаристократическое духовное состояние. Однако никто из интеллигентов не рассматривает собственных заблуждений как концептуальной основы ошибок конструирования социальной реальности. Да и сами эти ошибочные исторические события не воспринимаются как результат псевдомыслительной деятельности интеллигенции.

Правильно было бы отказаться от состояния непричастности к прошлому и разрыва преемственности с ним, без этого отказа мыслительная деятельность не начнется. Точнее, она вновь будет идти мимо интеллигенции. Парадоксально то, что вся мыслительная деятельность у нас проходит мимо интеллигенции, она не видит ее, ей кажется, что ее не было и нет. Миф ожидания времени свободы для мысли есть еще одна роковая ловушка, которая блокирует не только мышление личности, но социальное самосознание.

Сама интеллигенция конструируется из тех субъектов, кто считает, что у власти должны быть они. Поэтому в данном сообществе налицо группа конформистов, стремящихся принять правила игры, адаптироваться и приспособиться к идеологии неолиберализма как идеологии конца социального деструктивного типа, и группа мятежников, которые стремятся занять «зияющие высоты» путем насилия при помощи этой же идеологии за счет утверждения ненужности никакой идеологии [3, с. 149].

Революционность по отношению к своей традиции и конформизм по отношению к Западу – две рефлексивные практики интеллигенции, которые способствуют тому, что развивается не только игнорирование культуры, но и культурофобия. Как отмечал А. С. Панарин, сегодняшняя культурофобствующая интеллигенция, вслед за Западом отрекающаяся от христианской, новозаветной традиции, впадает в новый расизм и спешит «откреститься от окружающей их национальной среды как среды прокаженных» [7, с. 368]. Культурофобия в данном случае может быть определена как состояние недоверия собственной культуре в выражении и осознании социальных закономерностей.

Наш интеллигент до сих пор часто воображает себя как некоего инноватора, который открывает то, что было до этого неизвестно. Однако он совершает это открытие не для облегчения бытия социума в данном месте и в данное время, а для того чтобы приблизиться к уровню потребления и обладанию теми знаками, которые в его понимании западной культуры свидетельствуют об аристократическом положении мыслящего субъекта. Как отмечает Ф. И. Гиренок: «В России доминируют не философы, а интеллигенты. Если русская философия заявила о себе под лозунгом возвращения к своим истокам, к своему дому, то интеллигенция обживала смысловые поля европейской философии и, следовательно, была интеллектуально беспочвенной» [1, с. 225].

Поэтому важно то, что цель интеллигенции – господствовать над всеми и везде. При этом она постоянно обозначает точки своего отсутствия там, где культура производит либо взрыв, либо преемственность. Этих взрывов мышления и актуализации преемственности как основной цели и смысла

культуры любого социума и боится наша интеллигенция, потому что эти взрывы и преемственность происходят только в случае отказа интеллектуалов от политических притязаний. Такое состояние сознания наступает, если признать правоту Ю. М. Лотмана, полагавшего, что «непрерывность – это осмысленная предсказуемость. Противопоставлением ей является непредсказуемость, изменение, реализуемое в порядке взрыва» [6, с. 17].

Отказ от политических притязаний является, по нашему мнению, первоначалом мыслительной деятельности в том случае, когда философия начинает в религии, политике и экономике резко отличать игнорирование социальных закономерностей от их исполнения. Однако на него до сих пор не может пойти интеллигенция в силу разных причин. Первая и самая главная причина состоит в том, что она не хочет и не может отказаться от технологии создания массы или толпы и приступить к технологии создания других социальных субъектов, пронизанных мышлением повсюду. Это сложнее, но это обнаружит совершенно иную социальную историю, где мышление будет играть главную роль. Такая история не будет игнорировать связь религиозного опыта и этнического самосознания, а сделает последнюю искомой целью истории.

Следует заметить, что носитель религиозного опыта всегда вполне осознает, что результатом этого опыта выступает феномен этнической субъектности как основа начала самобытного мышления. Через изменение отношения к связи этнокультурной идентичности и религиозного опыта интеллектуал обнаруживает, что это и есть социальная истина. Это обнаружение приводит к тому, что интеллектуалы, в отличие от интеллигентов, уже не нуждаются в постоянном завоевании права на управление, они обнаружили за собой неотъемлемое право на мышление путем выявления процесса мышления во всех исторических эпохах бытия этнокультурного субъекта.

Наряду с присутствием мышления во всей истории народа «внезапно» возникает волящая этнокультурная субъектность. Она приходит «неизвестно откуда» и в момент этой актуализации обнаруживает невероятную концептуальную глубину, выражающуюся в совершенно иной концепции исторического процесса. Она, скорее всего, возникает тогда, когда авторитеты отечественной десубъективирующей атеистической письменной традиции замалкают или оказываются неспособными дать стратегическое понимание исторической ситуации. Тогда становится очевидным, что их суждения построены либо на сознательном, либо на неосознанном игнорировании социальных и культурных закономерностей, открываемых в истории конкретной этнической общностью в условиях ее, только ее самобытной исторической ситуации.

При этом следует заметить, что российская интеллигенция считает социальные закономерности, открытые русскими интеллектуалами, некими заблуждениями, не соответствующими ее моделям социального развития. Эти модели в основном, если опираться на историю нашей общественной мысли, строились и строятся на основании постулата (часто совсем недоказанного) об обреченности на отрицательный результат попыток найти нормальные социальные закономерности в российской истории. Это основной принцип предвзятого осмысления истории русского этноса.

Русский этнос описывается и анализируется через взаимодействие между обществом и государством, однако в этом взаимодействии общество постоянно находится в состоянии отсутствия самосознания, оно лишено мысли, оно не таит смысла. Русский народ, по мнению П. Я. Чаадаева, всегда есть состояние отхода от универсального исторического процесса. Однако наша интеллигенция полагает себя способной предотвратить раз и навсегда этот отход. Этот отход она полагает результатом ошибочной актуализации связи религиозного опыта и этнического самосознания.

Следует заметить, что конструкт универсального исторического процесса тоже является на сегодняшний день некой мифологемой. Эта мифологема очевидна лишь для интеллектуалов Запада, ибо она его усилиями создана. Это достижение во многом обусловлено квазирелигиозным опытом технологического характера, который не связан ни с одной этнической общностью.

Освобождение религии от необходимости этнокультурного сообщества впервые развило в нас способность восприятия своего этнического как некой экзотики, которая успешно была преодолена теологией как первой формой гуманитарного знания. Именно она впервые экспериментально заменила народ массой.

В контексте связи религиозного опыта и этнического самосознания этот эксперимент постоянно воспринимается как некая угроза потери этнической и исторической самобытности. Она с нее и начинается. Его прекращение интеллектуалы видят как раз в том, чтобы предложить иные законы социального строительства, основанные на помощи интеллектуала этносу и помощи этноса интеллектуалу. На борьбе с уподоблением человека подопытному кролику и строится разница между российским интеллектуалом и интеллигентом. Для одного это столь очевидно, а для другого неведомо. Один управляет, трудясь, ориентируясь на будущие поколения, другой не затрудняет себя ответственностью перед предками, стремится управлять современниками.

При этом рождается еще одна мифологема фрустрации, которая важна для интеллигентского самосознания. Эта мифологема постоянно трудящейся интеллигенции и абсолютно ленивого и непросвещенного народа. Возникает красивая картинка, которая убеждает интеллигенцию в том, что все созидательное в русской истории было сделано ей, а все разрушительное исходило от «плохого» государства и ленивого этноса. При этом позиция стороннего наблюдателя кажется наиболее неуязвимой.

Иное дело, если в результате рефлексии возникнет осознание необходимости принятия на себя ответственности за все, что произошло в России, как основы для начала процесса нормального социального мышления. Такое состояние ответственности приходит только в условиях осознания уникальности и неповторимости данного воображаемого сообщества. Более того, это искомая точка начала религиозного опыта и точка очевидности его связи с этническим самосознанием. Осознание причастности ко всем социальным бедствиям есть первооснова настоящего творческого социального мышления, она же сущностная характеристика подлинного религиозного опыта.

Методологически верно говорить о постоянном стремлении русского интеллигента переложить свои экзистенциальные проблемы на плечи других, а самому надеяться на революцию как одну из форм разрешения раз и навсегда социальных конфликтов.

Установление такого диагноза направленности социальной рефлексии российской интеллигенции может выступить методологической основой для объяснения многих процессов, недопустимых там и допустимых здесь. Например, иллюзия того, что есть условия для преодоления конфликтов, их окончательного разрешения, недопустима в западном сообществе. Наша интеллигенция, хватая очередную модель, избавляющую «от лукавого», т. е. раз и навсегда уничтожающую конфликты, вновь обеспечивает власть «лукавому». Конфликты не исчезают, а угроза социального самоубийства становится более реальной.

Иначе ведет себя субъект религиозного опыта. Для него «лукавый» всегда есть, поэтому через осознание его присутствия он весьма осторожно относится к любому некритическому принятию социальных моделей развития. Угроза социального самоубийства как результат неправильного понимания социального бытия является, по мнению Рене Жирара, основной проблемой, решаемой при помощи религиозного опыта. Рене Жирар, по мнению С. Н. Зенкина, полагает, что связь религиозного опыта и этнокультурной идентичности, наследуемая интеллектуалами и игнорируемая интеллигенцией, связана с тем, что последняя считает себя не имеющей отношения к решению «задачи выживания человеческого общества» [2, с. 146].

Самый опасный враг общества – это общество, подчиненное интеллигенции, игнорирующей религиозные практики, лежащие в основе его развития и снижающие существенно угрозу социальной несвободы и осуществления безответственных социальных экспериментов. Российская интеллигенция трансгрессивна по отношению к религиозным дистанциям своего этнокультурного сообщества, но она фанатично предана тем, кто запрещает исследовать себя в качестве впадающего в варварство, а именно западного сообщества. Неприкосновенность Запада ведет к тому, что, безосновательно любя Запад как неприкосновенное, как Бога, интеллигент «принуждает и других любить его, готовый уничтожить их в случае несогласия» [8, с. 14].

Социальный смысл религиозного опыта признан интеллектуалами концептуальной основой конструирования социальной реальности. Он примиряет обыденность, философию и науку. Это искомая целостность личности, которую считал новым началом философии И. В. Киреевский [5, с. 265].

Для религиозного опыта в контексте социального дискурса история социального субъекта не изменяется, не разрывается, а развивается [4, с. 120]. Приоритет социального развития над социальным изменением позволяет значительно глубже понять роль религиозного опыта в создании социального порядка. Социальный дискурс религиозного опыта способствует снятию вопроса об уничтожении религии как основного социального института.

Нельзя не сказать о мистической составляющей религиозного опыта. Скорее всего, она представляет такое начало бытия интеллигенции, которое укрепляет все те же идеи непричастности и жертвы. Такое рассмотрение ре-

лигиозного опыта вновь актуализирует парадигму избранности, нежели парадигму ответственности. Для мистически настроенного субъекта социальные изменения тотальны и необратимы. Эта необратимость говорит о несостоятельности любой почвенной религиозной практики с точки зрения ее социосозидающего потенциала. Такое невнимание даже с точки зрения мистического постижения социальной истории укрепляет значительно силы профанизации и экономизации социального бытия, значительно снижая стратегические перспективы российского общества.

Список литературы

1. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе. М. : Ака. Проект, 2008. 235 с.
2. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М. : РГГУ, 2012. 537 с.
3. Зиновьев А. А. Логическая социология. М. : Социум, 2002. 260 с.
4. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. 351 с.
5. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2007. 448 с.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.
7. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.
8. Сиоран. Искушение существованием. М. : Республика : Палимпсест, 2003. 431 с.

References

1. Girenok F.I. *Udovolstvie myslit inache* [The pleasure of thinking differently]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2008, 235 p. (in Russian)
2. Zenkin S.N. *Nebozhestvennoe sakralnoe: Teoriya i xudozhestvennaya praktika* [The Undivine Sacred: theory and Artistic practice]. Moscow, RGGU Publ., 2012, 537 p. (in Russian)
3. Zinov'ev A.A. *Logicheskaya sociologiya* [Logical Sociology]. Moscow, Socium Publ., 2002, 260 p. (in Russian)
4. Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Saint Petersburg, Komplekt Publ., 1993, 351 p. (in Russian)
5. Kireevskij I.V. *Duxovnye osnovy russkoj zhizni* [The Spiritual Foundations of Russian Life]. Moscow, Institut Russian Civilization Publ., 2007, 448 p. (in Russian)
6. Lotman Yu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, Gnozis Publ., Progress Publ., 1992, 272 p. (in Russian)
7. Panarin A.S. *Pravoslavnaya civilizacii v globalnom mire* [Orthodox Civilization in the global world]. Moscow, Algoritm Publ., 2002, 496 p. (in Russian)
8. Sioran. *Iskushenie sushhestvovaniem* [The temptation of existence]. Moscow, Respublika Publ., Palimpsest Publ., 2003, 431p. (in Russian)

Сведения об авторе

Бобков Александр Иванович
кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирский институт МВД России
Российская Федерация, 664078, г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 110
e-mail: iab71@inbox.ru
ORCID 0000-0002-7646-0447

Information about authors

Bobkov Alexander Ivanovich
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy and
Social and Humanitarian Disciplines
East Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
110, Lermontov st., Irkutsk, 664078,
Russian Federation,
e-mail: iab71@inbox.ru
ORCID 0000-0002-7646-0447